

Ориентальные Мотивы В Поэзии А.С.Пушкина

Исаева Юлия Павловна

преподаватель кафедры русской литературы и методики ее преподавания Джизакского государственного педагогического университета имени А.Кадыри

Аннотация: В данной статье рассматривается роль и эволюция восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина. Исследуются ориентальные темы и образы: крымские и кавказские мотивы в поэзии.

Ключевые Слова: Пушкин, поэзия, Восток, концепт, ориентализм, эволюция, Крым, Кавказ, романтизм, реализм, культура, восточный колорит.

Восток занял важное место в художественном мире Пушкина. В творческом сознании поэта Восток присутствовал как синтез взвешенных романтических и реалистических начал, панорамного видения обобщенной, но и проработанной в деталях картины. В восприятии этой картины, передаче ее средствами поэзии он эволюционировал от субъективно-экспрессивного, романтического типа мышления к художественно-аналитическому мышлению реалиста и, наконец, синтезу их в поэзии 30-х годов. «Новый для меня Парнас» [3] открылся романтикой Востока в южных поэмах и тяготеющих к циклам кавказским стихам. В «Путешествии в Арзрум», «прозе поэта» (Б.С.Мейлах), связанными с ними художественные проблемы откристаллизовались уже в формах «поэзии жизни действительной». Ключом к языковому своеобразию пушкинских восточных произведений может стать оценка поэтом слога первого ногайского «русскоязычного» просветителя и писателя Султана Казы Гирея, автора повести «Долина Ажигутая», которую Пушкин опубликовал в журнале «Современнике» в 1836 году. В предисловии к ней Пушкин писал: «Сын полуденного Кавказа /.../ изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно» [2, с. 38]. Так же сильно и живописно у русского поэта изображен Восток. В плане этнографическом тема Востока намечена в малоизвестном наброске 1821 года: Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,/Под буркою казак,/Кавказа властелин,/Болтливый грек и турок молчаливый,/И важный перс, и хитрый армянин [2, с. 114].

Своеобразный несобранный ориентальный цикл, связанный крымскими мотивами составляют «Таврида», «О дева-роза, я в оковах», «Виноград», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Пока супруг тебя, красавицу младую». В «Тавриде», маленьком цикле, первое стихотворение рисует «счастливый край», одаренный «светлою роскошью природы», «край прелестный», «одушевленные поля» - пейзаж, лишенный конкретных примет реального Крыма, но в полной мере отражающий «пейзаж души», вновь пережившей наслаждение: Какой-то негой неизвестной,/Какой-то грустью полон я.../Пью томно воздух сладострастья,/Как будто слышу близкий глас /Давно затерянного счастья [3, с. 256]

Не обозначен источник былых горестей поэта. Руссоистскими мотивами проникнута его связь с природой-источником обретения «давно затерянного счастья». Вторая часть стихотворения передает сердечные муки романтической влюбленности в таинственную незнакомку, чьих следов герой «Тавриды» не смеет «Коснуться жаркими устами, /Кропя их жгучими слезами»

[3, с. 255]. Мы находим здесь характерное для ориентальной поэзии гиперболизированное изображение чувственного порыва страсти: Нет, никогда среди бурных дней /Мятежной юности моей /Я не желал с таким волненьем /Лобзать уста младых Цирцей /И перси, полные томленьем [3, с. 256].

Стихотворение, напоминающее восточный мадригал, «О дева-роза, я в оковах» в первой публикации имело заглавие «Подражание турецкой песне». Оно построено на ориентальном параллелизме безответной любви певца к гордой красавице и такого же традиционного в восточной поэзии любовного символа любви-соловья, «царя лесных певцов», к розе «гордой и прекрасной». Пленник чувства, «неволи сладостной», он лишь услаждает слух жестокой «во мраке ночи сладострастной».

Ориентальные мотивы причудливо сочетаются с антологическими и библейскими в стихотворении «Виноград», прелестной миниатюре, исполненной глубокого философского смысла в противопоставлении роз, «Увядших с легкою весной», с «Отрадой осени золотой» - виноградом. Образ его настолько пластичен и живописен - «Продолговатый и прозрачный, /Как персты девы молодой», - что угадываешь в нем известный столовый сорт винограда «дамские пальчики». В ориентальной поэзии, не чуждой стилизации, точность, пластика, скульптурность пушкинских образов, глубина поэтической мысли, даже при банальности лирического сюжета, делают каждое стихотворение шедевром.

Стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» - поэтический осколок, фрагмент поэмы того же названия. Поэтому в восточном духе безупречно романтическими красками нарисован «образ-вещь»: «фонтан любви», с брызгами - «серебряной пылью», «фонтан печальный», «ключ отрадный», немой свидетель прошлого, породивший «сон воображенья» души поэта, рисующего «Свои минутные виденья, /Души неясный идеал». Завершает этот несобранный крымский цикл философская, изящная миниатюра «Пока супруг тебя, красавицу младую». Мотив невольницы гарема в нем, воды ключа, из которого черпает она, перерастает в символ «невозвратной струи» уходящей жизни.

В какой-то мере можно говорить об ориентальных мотивах стихотворения «Гречанка», посвященного возлюбленной Байрона, «певца Лейлы», *Калипсо Полихрони*. Адресатка стихотворения превращена романтическим воображением автора в его идеал восточной красавицы, которая «восточной странностью речей», «ножкой нескромной», «любезной живостью приветов», «блистаньем зеркальных очей» «рождена для неги томной, /Для упоения страстей». Завершается стихотворение вздохом томимого романтической «тайной грустию» поэта фаталистическим, в духе восточной мудрости «все пройдет» афоризмом: «Боюсь, неверно все что мило».

К несобранному крымскому циклу по ориентальной направленности относится стихотворение «Блестит луна, недвижно море спит», являющееся наброском поэмы «Евнух», задуманной, очевидно, как исповедь героя, «гарема стража седого». В отрывке находим неперенные реалии абстрактно-собирающего Востока: луна, спящее море, «сады роскошные», «печальный мрамор фонтана».

Романтикой, подсвеченной библейской ориентальностью, исполнено стихотворение «Вертоград моей сестры» с его экзотическими представителями восточной флоры: «Нард, алой и киннамон /Благовонием богаты». Напоено восточной негой насыщенное библеизмами стихотворения «В крови горит огонь желанья», последняя строчка которого «И двинется ночная тень» вызвала восторг Белинского точностью воссоздания картины природы с помощью непривычной формы глагола. Глубоко интимный подтекст, связанный с Е.Воронцовой, заключен в ориентальной словесной инструментровке наброска «В пещере

тайной, в день гоненья». Судя по первой строчке и последующим стихам с агиографией Магомета мелькает мысль, что он является героем стихотворения, но речь идет об ином беглеце, получившем в пещере от ангела «утешенья талисман» в то время, когда он предавался чтению «сладостного Корана». И дар – талисман с загадочными восточными письменами – переносит нас в мир другого «воронцовского» стихотворения, тоже не лишённого ориентальной краски, «Талисман».

Для понимания темы эволюции Востока в поэзии Пушкина в направлении реалистического художественного осмысления ее важно обращение поэта в 1821 году, в пору романтического творчества и активного обращения к «сладостному» восточному слогу, к пародированию его в поэме «Гавриилиада». Пародию на самые яркие приемы ориентальной поэзии мы находим в «любовном псалме» бога и других эпизодах поэмы. О роли ориентальной поэзии в творческом мире Пушкина писали Д.Д. Благой, Б.П. Городецкий, Н.В. Измайлов, Н.В. Фридман, Г.А. Гуковский, Б.В. Томашевский. На волне пушкинского юбилея появилась статья Ф.Л. Кагановича «Пушкин и Мицкевич» (национальные особенности ориентального стиля) [5, с. 23]. В ней лирика крымского и кавказского циклов, поэмы «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» как явления пушкинского национального поэтического сознания сопоставляются с «Крымскими сонетами» Мицкевича, близкими им по творческому методу, теме, материалу, даже настроению. Помимо общеромантических средств экспрессии исследователь обращает внимание на художественное вхождение их в специфическую сферу мусульманских понятий и представлений. Как и другие исследователи области пушкинского творчества, автор статьи отталкивается от неприятия поэтом гипертрофированной «восточности» «Лалла Рук» Т. Мура, ребяческого подражания Гафизу и Саади.

Конкретные сопоставления текстов Пушкина и Мицкевича, более экспрессивных и приближенных к восточным образцам, позволяют Ф.Л. Кагановичу сделать вывод, с общей формулой которого можно согласиться: «...именно в этой, четко сформулированной Пушкиным «сдержанности» ориентальной поэзии, в ее противостоянии экзотизму и чрезмерному увлечению восточными формами как раз заключается /.../ одна из неповторимых особенностей русской национальной стихии» [6, с. 15-16]. В подтверждении этого вывода можно привести авторские примечания к «Бахчисарайскому фонтану» - отрывок из «Путешествия по Тавриде» И.М. Муравьева-Апостола, и пушкинскую же критическую оценку воображения автора, наполненного радужными красками восточной поэзии.

Речь идет о том, что, приняв Восток с его воинственной героикой, роскошью и негой в свой поэтический мир, Пушкин и в романтических реалиях I-ой половины 20-х гг. искал мудро взвешенные решения восточной темы, пролагавшие путь для включения ее в новом качестве в художественно-аналитический строй реалистической поэзии конца 20-х-30-х годов.

В конце 20-х гг., после поездки в Арзрум, был создан цикл кавказских ориентальных стихотворений, отмеченных живыми художественными деталями, снижено бытовой лексикой, лишённой изысков интонаций, насыщенный порой батальными эпизодами. Но при этом в связи с конкретными творческими импульсами высокое звучание восточного материала в ряде произведений сохраняется. Стихотворение «Из Гафиза» является, по мнению большинства комментаторов и исследователей, совершенно оригинальным пушкинским стихотворением с элементами восточной стилизации.

Знарок пушкинской графики Т.Г. Цявловская находит портрет юноши, воспетого в стихотворении, «красавца молодого», нарисованный Пушкиным в альбоме Ел. Ушаковой, а

упоминание о нем в «Путешествии в Арзрум» в записи за 5 июля 1829 года [8, с. 113]. Н.В. Измайлов видит в «красавце молодом» юного воина, возможно, офицера одного из «мусульманских полков» в составе русской армии, на русской службе [7, с. 92]. Пушкин полностью восстановил хронотоп событий: и дату, и место действия – «Лагерь при Евфрате».

В восточном духе Пушкин в изысканном обращении выражает уверенность, что ангел смерти Азраил в пылу сраженья, «среди мечей», сохранит жизнь прекрасного юноши. Но при этом сожалеет, что среди сражений, обретая мужественность, он навсегда утратит приметы юности, «скромность робкую движений, /Прелесть неги и стыда». Это созерцательное любование красотой, пластикой «девственных движений» (так в черновом варианте) создает ориентальный колорит стихотворения. В этом же кавказском цикле есть незавершенное стихотворение «Фазиль-хану», поэту, встреченному Пушкиным в пути близ селения Казбек. Об этой встрече есть документальное свидетельство в I-й главе «Путешествия в Арзрум». Совершенно в духе восточной любезности Пушкин в стихах благословляет его «путь на север наш суровый», «край полночный», завершая посланник пышной восточной метафорой:

Цветы фантазии восточной

Рассыпь на северных снегах [3, с. 160].

Среди ориентальных стихотворений цикла самое реалистическое и бытовое, по жанру напоминающее «батальную картинку», «батальный эпизод» - «Делибаш». Слово в переводе с турецкого означает «сорвиголова». В нем начисто отсутствует «роскошная» восточная стилистика, а картинность, скульптурность кровавого поединка обозначена цветовым пятном одеяния воина – «красный делибаш» - и деталями его поединка с таким же отчаянным казаком. Исследователи замечали, что некоторые восточные стихи Пушкина тяготеют к эпике и лироэпике. В «Делибаше» четко прослеживается исполненный динамики сюжет – от экспозиции – «Перестрелка за холмами» - до развязки: Делибаш уже на пике, /А казак без головы [3, с. 199].

Изящной восточной чувственностью отмечено «Подражание арабскому /Отрок милый, отрок нежный/». Но вершиной ориентальной поэзии Пушкина справедливо считается цикл из 9 стихотворений – «Подражание Корану». Исследователи много и плодотворно искали для него параллели в Коране и Библии (Л.Н.Поливанов, Н.О. Лернер, Н.В. Фридман, Н.М. Лобикова, Г.А. Гуковский, А.Л. Слонимский). О нереализованных возможностях поисков все новых, более близких параллелей говорит статья А.А. Пичхадзе А. А. «Подражание Корану». Источники и ассоциации» [7], в которой обстоятельно исследован материал возможных сближений текста стихотворения, Корана и Библии на единственном I-ом стихотворении цикла. И если параллель даже с разными изданиями и переводами Корана найдена успешно, то и сегодня остается открытой проблема нравственно-политического пафоса цикла, в частности его связь с освободительными идеями эпохи.

Среди вершин ориентальной поэзии Пушкина близкий к нему по своему художественному миру, нравственной ауре «Пророк», загадочное стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов», наконец, «Когда владыка ассирийский», свидетельствующие о громадных нереализованных возможностях нравственно-поэтического потенциала восточной темы у Пушкина, может быть, на пути создания великим поэтом своего «Западно-Восточного дивана».

Список использованной литературы

1. Гуковский Г.А. Пушкин и русский романтизм. М., 1966. – 356 с.
2. Мейлах Б.С. Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975. – 367 с.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., Т2, 1993. – 408 с.
4. Русская литература. М., №2, 1998. – 221 с.
5. Русская речь. М., 1992. – 114 с.
6. Русская речь. М., 1991. – 121 с.
7. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1897. – 449 с.